Борис БЕЛИК (г.Алма-Ата Казахстан) **ХИТРОУМНЫЙ САЯН**

I

Как-то поздней осенью мы с Юрием Ивановичем, моим давним приятелем, выехали на фазанью охоту. Охотничьи угодья, куда мы отправились, располагались на правом берегу Или. Чтобы добраться до тугаев, протянувшихся вдоль реки, нам предстояло в намеченном месте свернуть с шоссе и проехать по степи километров десять.

В ту пору у меня уже была западносибирская лайка по кличке Саян. Ему только что исполнилось два года, и он находился в отличной физической форме. Настолько отличной, что угнаться за ним нашего здоровья явно не доставало. Бывало, только на окраине непролазных крепей, куда он залетал и устраивал переполох, пробиваясь в колючих зарослях чингила или густом тростнике, можно было перевести дух в ожидании взметнувшейся в испуге птицы. Природа одарила его превосходным обонянием. Причем, он улавливал запах дичи как верхним чутьем, так и двигаясь по свежему следу. Когда же прихватывал запах только что пробежавшего фазана, устремлялся по следу с такой скоростью, что его белый завиток хвоста только и мелькал меж кустов, точно повторяя фазаньи зигзаги. Чтобы не упустить добычу, приходилась гнаться за ним что есть мочи. Естественно, после двух-трех таких марш-бросков силы были на исходе, и в моей взмокшей голове невольно возникал один и тот же вопрос: «Что это — охота или бег с препятствиями?» Так продолжалось до тех пор, пока я не нашел простой и верный способ облегчить свою участь. Как только мы съезжали с асфальта и двигались к месту охоты по степным или песчаным дорогам, я давал возможность Саяну набегаться за машиной всласть. После такого рода разминки протяженностью в пять-семь километров мы со спокойной душой

пускали его в поиск и прогуливались по тугаю в менее напряженном темпе.

Вот и на этот раз, выпустив из Саяна «пар», мы въехали в угодья, расчехлились и неспешно направились в тугайные джунгли. Но не успели пройти и пяти шагов, как Юрий Иванович завел свою шарманку.

— Да нет тут никаких фазанов. Всех уже давно повыбили.

Я ничего не ответил на его вечное нытье, прекрасно понимая, что в глубине души он так не считает.

Через четверть часа мы вышли на небольшую полянку, окруженную плотным кольцом лоха — джиды. Узкие листья этого дерева трепетно шевелились на ветерке и отсвечивали серебром на фоне голубого неба. У основания корявых стволов джиды ощетинился острыми колючками чингил, обвешанный своими плодами-погремушками. Все эти растения, цепко перевитые лианами, хмелем и вьюнком, создавали сплошные колючие стены, преодолеть которые бывает очень трудно, двигаясь напрямик. Но тугаи населяют, хоть и немногочисленные по количеству, но все-таки дикие животные, а, кроме того, там кормятся коровы и овцы егерей. Благодаря усилиям этой живности в непроходимых чащах можно заметить протоптанные дорожки, лазы, узкие проходы. По этим тропам и продвигаются охотники в надежде отыскать желанную добычу.

В тот момент, когда мы разглядывали великолепное убранство тугайного леса, на поляну выбежал красавец — ирландский сеттер. Собака прогарцевала вокруг нас, словно на выставочном ринге, и остановилась напротив небольшого лаза, откуда только что появилась. Вскоре из этого отверстия, проделанного у самой земли, на карачках выполз ее хозяин. Я подождал, пока тело охотника примет вертикальное положение, после чего вежливо полюбопытствовал:

— Ну, как успехи?

— Да никак, — ответил он, чертыхаясь, и добавил. — Километра три прошли с собакой,

и ни одной птицы не видели.

— Я же говорил, — тут же встрепенулся Юрий Иванович.

— Ничего, еще не вечер, — ободряюще заключил я.

А пока любовались природой и выясняли положение дел у хозяина сеттера, Саян рыскал где-то в округе, не обращая внимания на чужого пса.

Было около четырех часов пополудни.

Я прислушался — где мог наводить шорох Саян, и тут слева от нас раздался шум сухого тростника и отчаянное хлопанье крыльев. Значит, Саян выгнал курочку, а следом послышался характерный крик перепуганного петуха. Мы с Юрием Ивановичем поспешили на шум. Не доходя до предполагаемого места метров сорок, увидели взметнувшуюся из зарослей вторую курочку. Не было сомнений в том, что собака отыскала дневную фазанью лежку и разогнала всех птиц. Однако это обстоятельство лишь подзадорило нас.

— Вот тебе и повыбили, — на ходу прокричал я Юрию Ивановичу, возбужденно дышавшему мне в спину.

Мы выбрались на прилегающую к тугаю опушку, где в это время легче всего застать фазанов. Это были места их обычных жировок. И действительно, с подачи Саяна в неглубоком логу, протянувшемся вдоль чащи, мы добыли двух петухов и, довольные удавшейся охотой, двинулись к лагерю. Главное, что согревало наши души, — наличие дичи в этих местах, а значит, возможность с чувством провести время. В приподнятом настроении мы с вожделением принялись обсуждать по дороге — какое блюдо приготовить на ужин.

— Давай сварганим бульончик, — нетерпеливо предложил Юрий Иванович.

— Нет, — возразил я, — мы пойдем другим путем, как говорил известный классик марксизма-ленинизма. Нужно хоть раз попробовать жаркое из фазана. У меня есть рецепт. Обложим тушку несоленым шпиком, а чтобы мясо равномерно пропиталось жиром, обмотаем нарезанное ломтиками сало ниткой и зажарим на углях в казане.

Такой изощренный для полевых условий способ приготовления дичи Юрию Ивановичу показался экзотическим, и он сдался.

Уже начало темнеть, когда мы за разговорами незаметно подошли к протоке, у которой оставили машину. И вдруг из-под ног у меня вылетел петух. Я выстрелил, и птица со всего размаху бултыхнулась в речку. Ее медленно стало относить течением от берега. Саян бросился к протоке, но, зайдя в воду по колено, вдруг остановился. В отличие от моих спаниелей, что были до него, он не очень любил плавать. Несмотря на мои надрывные вопли: «Взять!», «Неси!», Саян стоял как вкопанный, неотрывно следя за уплывающей добычей. Наконец не выдержал и бросился вдогонку. Я бежал по берегу, подбадривая собаку словами: «Молодец!», «Хорошо!», «Умница!», «Взять его, взять!»… Когда Саян схватил фазана и выплыл с ним на берег, я, довольный результатом, обильно осыпал его похвалой, считая, что он приобрел неоценимый опыт добычи убиенной дичи и подумывал о том, как бы завтра этот навык закрепить.

II

Наутро с восходом солнца Юрий Иванович отправился осматривать местность вокруг лагеря, а я решил порыбачить, хоть часок потешить душу утренним клёвом.

Пока настраивал удочку, Саян лежал в стороне, искоса поглядывая, словно оценивал серьезность моих намерений. Когда же я закинул рыболовную снасть и застыл в ожидании улова, он тихо подошел и сел рядом. Мы переглянулись. Представляю, как

идиллически смотрелись я и мой напарник со стороны.

От воды поднимался редкий туман. Солнце багровым шаром выкатывалось на небосклон, скупо освещая синевато-серые верхушки лоха и свесившиеся к воде позолоченные ветви ивы. От реки тянуло холодком. Воздух полнился её свежим дыханием, к которому примешивались запахи прелой листвы, увядающих солянок и полыни, создавая неповторимый и волнующий аромат осенних тугайных джунглей. Спокойствие и умиротворение растекались по водной глади. На фоне этого неяркого, но насыщенного осенней палитрой утра, на берегу тихой речки темными пятнами выделялись два силуэта — человека и собаки. Они сидели неподвижно, устремив взгляды в одну точку. Этой точкой был поплавок удочки, и он, очевидно поддавшись всеобщему спокойствию, не шевелился в укромной заводи…

Я не сразу осознал поведение Саяна. Почему-то не удивился его небывалой выдержке и цепкому взгляду, устремленному на поплавок. Меня больше умиляла сама картинка — двух внимательных и серьёзных рыбаков.

Ну, вот поплавок зашевелился, дернулся, заставив нас обоих одновременно, словно по команде, слегка приподняться с насиженных мест и насторожиться. И как только он исчез, я рванул удилище, но крючок застрял в водорослях. Мне пришлось раздеться, зайти в воду, чтобы его освободить. Как только я оказался на берегу, тут же снова забросил удочку и принялся было одеваться, но тут поплавок резко пошел ко дну. Я лихорадочно схватил удочку и дернул ее вверх. Она согнулась в три погибели, и на этот раз я почувствовал, что на крючок попалась серьезная рыба. После недолгой борьбы над водой взметнулся и отчаянно забился на конце лески небольшой сомик. Но не успел я вытащить его на берег, как Саян на лету ловко ухватил рыбину за хребет, сорвал с крючка и неторопливо, по-деловому двинулся прочь. Его гордо поднятая голова с извивающейся в пасти рыбой, игривая походка со всей очевидностью демонстрировали его причастность к рыбалке и рыбацкой удаче.

Я проглотил язык от неожиданности и какое-то время вместо членораздельной речи еле слышно извергал невнятные звуки, пока, наконец, голос не окреп, и тогда вслед Саяну полетели громкие по форме и глубокие по содержанию слова.

Продолжая истошно кричать, я бросился вдогонку, но колючки дурнишника и острый частокол стерни не давали мне, босому, возможности развить необходимую скорость.

Услышав мои вопли, навстречу из зарослей выбежал Юрий Иванович.

— Держи вора! — орал я.

Перепуганный Юрий Иванович заметался на месте, не понимая, о ком идет речь.

— Саяна держи, — громко пояснил я.

Вдвоем мы все-таки догнали воришку и потребовали вернуть улов. Саян бросил сомика и недоуменно взглянул сначала на меня, а затем на Юрия Ивановича, по всей вероятности, не понимая нашего беспокойства.

Я поднял рыбешку и, возбужденный неслыханной дерзостью собаки, поковылял к месту рыбалки. Саян не отставая следовал за мной без малейших угрызений совести.

Как только я положил рыбу в садок и забросил удочку, Саян, как ни в чем не бывало, уселся рядом и невозмутимо уставился на поплавок.

Спустя пару минут поплавок снова нервно задергался, но под воду не скрывался. Наверное, мелочь трепала червяка. Видя, что я не реагирую на пляску поплавка, Саян не выдержал, стал нетерпеливо гавкать и переступать на месте передними лапами.

— Помолчи! Указчик нашелся, — не отрывая взгляда от поплавка, огрызнулся я на

собаку.

Саян замолчал, а я мысленно примеривался, в какую сторону тянуть рыбу, чтобы поспеть вперед своего партнера завладеть ею, но после неудавшихся попыток что-либо выловить в сердцах бросил на землю удочку и пошел к лагерю, где Юрий Иванович уже приготовил завтрак.

Рыбалка была испорчена. Я расстроился не столько отсутствием желаемого результата лова, сколько грубым вмешательством собаки в его процесс. И хотя понимал, что мои переживания выглядят по крайней мере глупыми и наивными, не стал переубеждать себя, а просто отдался во власть нахлынувших чувств, которые незаметно и легко перенесли меня в далекое, милое и беззаботное детство, когда после занятий в школе седлал Орлика и ехал на речку. Рядом с лошадью бежал преданный пес Дружок и неотлучно находился рядом, пока я выискивал подходящее для ужения место — на быстринах или в вымоинах у берега, где водились голый осман и усач.

Позже, раздумывая над поведением Саяна, я не мог вспомнить ни одного случая, когда бы мы вместе ловили рыбу, и чтобы он вот так намеренно следил за поплавком удочки. Возможно, когда-то подглядывал за мной со стороны, и в результате у него сложилась причинно-следственная или, говоря научным языком, ассоциативная связь между поплавком и выловленной рыбой? Во всяком случае, другого объяснения я не находил.

III

За столом Юрий Иванович поделился своими наблюдениями.

— Должен заметить, — вещал он, — что большая часть фазанов сосредоточена на острове. Потому что две курочки, которых я спугнул, перелетели через протоку. Там их, пожалуй, никто не тревожит.

После завтрака мы обследовали русло протоки и нашли подходящее место, где, как нам казалось, можно было в болотных сапогах преодолеть водную преграду, отделявшую на с от предполагаемого птичьего рая.

Уверенные в успехе рискованного мероприятия, мы облачились в охотничьи доспехи и дружно двинулись навстречу приключениям.

— Вот что значит быть предусмотрительным человеком, — высокомерно наставлял я Юрия Ивановича, ступая по мелководью. — Что бы ты делал, если бы я не настоял прихватить с собой сапоги?

Юрий Иванович молча шлепал рядом. Саян тоже зашел с нами в воду, но как только понял, что погружение неизбежно, в нерешительности остановился.

— Ты что, не идешь с нами? — поинтересовался я у собаки.

Саян развернулся, вышел на берег и, нервно гавкая, забегал в надежде найти обходной путь по суше. Мы, не обращая внимания на пса, занятого поисками альтернативы водному заплыву, продолжали двигаться к намеченной цели.

— А ведь ты артачился, — продолжил я. — Зачем в тугаях болотные сапоги? Но теперь хоть понимаешь, насколько я дальновидный…

И тут, не успев закончить нравоучения, я провалился в яму и оказался по пояс в воде. Следом ко мне присоединился Юрий Иванович.

Обменявшись несколькими короткими выразительными фразами, мы продолжили шествие.

— Лучше б ты лодку настоял прихватить, дальновидный ты мой, — язвительно заметил Юрий Иванович.

В этот драматический момент, сопя и фыркая, мимо нас проплыл Саян. Он первым выбрался на берег, отряхнулся и, как мне показалось, ехидно усмехнулся, после чего демонстративно показал свой зад и, не дожидаясь нас, скрылся из вида.

Пока мы выливали из сапог воду, Саян спугнул курочку, которая перелетела через протоку и приземлилась недалеко от нашего лагеря. Мы, открыв рты, молча проводили её взглядом и только натянули мокрую обувь, как вылетела и полетела в том же направлении вторая курочка.

— Пожалуй, нам пора восвояси, — обреченно констатировал я. — Это наверняка твои птички.

Но Юрий Иванович любезно предложил продолжить начатое дело.

Остров оказался невелик. Лишь поодаль от протоки узкой полосой протянулись заросли шиповника и джиды, которые с противоположного берега мы приняли за непролазные чащи, а сразу за ними, на берегу основного русла реки, высился редкий тростник.

Фазанов выгнать не удалось, да и подходящих мест для их обитания на этом клочке суши не было. Удрученные неудавшейся вылазкой, мы возвращались к месту нашей переправы. Пружинистой походкой нас обошел Саян и вдруг резко кинулся к одиноко стоявшему кусту тамарикса, откуда с невероятным шумом хлопающих крыльев и отчаянным криком вылетел крупный петух. После моего выстрела фазан колом рухнул на песок, да с такой силой, что казалось, будто земля содрогнулась. И тут же, как ни в чём ни бывало, вскочил и опрометью бросился к зарослям. Но Саян был начеку и мгновенно пресек несанкционированное поведение птицы.

Вся эта сцена происходила на открытой местности, и мы могли воочию убедиться, насколько живучи фазаны. Если бы такой подранок упал в тяжелые крепи, найти его, даже с собакой, было бы не просто. Бывали случаи, когда от места падения он, смертельно раненый, пробегал сто и более метров.

Освобождаясь от перьев, застрявших в пасти, Саян огляделся. Заметив, что мы вызыва ююще стоим на месте и ведем глубокомысленные речи, аккуратно ухватил фазана и в той же игривой манере, что и несколько часов назад, когда улепетывал от меня с рыбой, направился к протоке.

Подойдя к берегу, он ещё раз осмотрелся и неспешно, с фазаном в зубах, зашел в воду. Какое-то время раздумывал, а затем бросил птицу, сосредоточенно наблюдая за тем, как она уплывает. Когда фазан удалился от него на несколько метров, выбрался из воды, догнал плывущую по течению добычу и затрусил рядом по берегу, по всей видимости, желая скрыться с глаз за поворотом, а там с ней расправиться.

Разгадав маневр хитроумного пса, я настиг его на излучине и с большим трудом загнал в воду с намерением отнять добытый охотничий трофей.

Поначалу я не придал этому событию особого значения, но потом, анализируя действия Саяна и сопоставляя факты, пришел к выводу, что с позиции рефлексов или ассоциативных связей объяснить его поведение нельзя.

Несомненно, он действовал сознательно. Но, казалось бы, какой ещё навык может приобрести собака после того, как впервые увидела уплывающую по течению

отстреленную дичь, кроме как подать её с воды? И, тем не менее, Саян нашел собственное решение этого вопроса, не подвластное нашему шаблонному мышлению. Он использовал полученный опыт как средство для реализации другого замысла, а именно: завладения добычей в корыстных целях. То есть сделал из предыдущего, по сути незначительного, факта следующий вывод: если самому пустить птицу по течению, её можно будет на каком-то отрезке пути, когда рядом никого не будет, выловить и спокойно разобраться по существу. И для этого незачем за ней плыть следом, особенно если это не нравится, а достаточно пробежаться рядом с объектом вожделения до нужного места. При этом оставаться как бы ни при чем: ведь тушка птицы плыла как бы сама по себе, а он лишь сопровождал её поодаль. И вроде наказывать не за что.